

«Субсидиарка» или возмещение убытков — что выбрать для защиты кредитора?

Закон о банкротстве предлагает кредитору несколько способов защиты — иск о привлечении к субсидиарной ответственности (глава III.2 Закона о банкротстве) и возмещение убытков (ст. 61.20 Закона о банкротстве). Однако их основное различие — в размере ответственности и условиях предъявления требований. Разберемся подробнее в правовых последствиях для КДЛ и кредитора при таких обстоятельствах.

Никита ЧЕРНЫШЕНКО,
юрист «Кульков,
Колотилов и партнеры»

В одном из дел, рассмотренных ВС РФ, конкурсный управляющий должника успешно взыскал с контролирующего должника лица (далее — КДЛ) убытки, «причиненные безосновательным снятием денежных средств со счета общества» (Определение СКЭС ВС РФ от 28.09.23 по делу № А57-12609/2017). Впоследствии право требования взысканных убытков по решению единственного кредитора было продано на торгах за скромную сумму.

Далее единственный кредитор обратился уже с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов.

цитируем документ

...<...> являлся единственным участником и руководителем общества, в том числе в период после мнимого отчуждения им 100-процентной доли участия номинальному лицу, не осуществлявшему фактическое управление.

ВС РФ отказал в удовлетворении заявления единственного кредитора и привел два основных аргумента, почему КДЛ не подлежал привлечению к субсидиарной ответственности.

С КДЛ УЖЕ БЫЛИ ВЗЫСКАНЫ УБЫТКИ В РАЗМЕРЕ, ПРЕВЫШАЮЩЕМ ТРЕБОВАНИЯ КРЕДИТОРА

В рассмотренном деле произошла довольно редкая ситуация превышения убытков над размером субсидиарной ответственности. Две величины рассчитываются по-разному.

цитируем документ

...Иск о привлечении к субсидиарной ответственности является способом защиты гражданско-правового сообщества кредиторов, размер ответственности по нему ограничен общей суммой требований кредиторов, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества (ограничен совокупным размером требований, включенных в реестр требований кредиторов и заявлен-

ных после закрытия реестра, а также требований по текущим платежам) (пункт 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

При этом размер убытков рассчитывается по правилам ст. 15, 393 ГК РФ и равен сумме всех убытков, причиненных КДЛ должнику.

Закон о банкротстве прямо не регулирует последствия превышения размера взысканных убытков над размером субсидиарной ответственности за доведение до банкротства. Здесь ВС РФ совершенно справедливо сделал вывод, что КДЛ нельзя привлекать к субсидиарной ответственности в ситуации, когда размер убытков уже превысил ее предел.

Фактически требование о взыскании убытков «поглотило» требование о субсидиарной ответственности, и право кредитора на получение компенсации за действия КДЛ было реализовано (даже если впоследствии требование было продано за незначительную сумму).

ОТСУТСТВОВАЛ СУБЪЕКТ, ПРАВОМЕРНЫЙ ИНТЕРЕС КОТОРОГО ПОДЛЕЖАЛ ЗАЩИТЕ

ВС РФ подчеркнул сходство правовых оснований:

■ привлечение к субсидиарной ответственности направлено на возмещение убытков контролирующим лицом в ситуации, когда его неразумные и недобросовестные действия (бездействие) послужили необходимой причиной банкротства (п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве);

■ в случае требования о возмещении убытков по корпоративным основаниям (ст. 61.20 Закона о банкротстве) возложение ответственности также обусловлено грубым нарушением контролирующим лицом обязанности действовать добросовестно и разумно в отношении подконтрольного общества, повлекшим за собой уменьшение его имущественной массы (ст. 53.1 ГК РФ, ст. 71 Закона об АО, ст. 44 Закона об ООО).

ВС РФ обратил внимание, что в обоих случаях КДЛ несет ответственность за действия, уменьшившие имущественную сферу должника и пояснил, что такие неправомерные действия (бездействие) нарушают интересы как кредиторов (в части суммы непогашенных требований), так и участников должника.

Ведь если бы ответчик добросовестно и разумно исполнял свои обязанности по управлению должником, то имущества общества, оставшегося после удовлетворения кредиторов, хватило бы для распределения ликвидационной квоты.

Поскольку участники должника не могут претендовать на взысканную сумму субсидиарной ответственности, то их права могли бы быть защищены через привлечение КДЛ к ответственности в форме корпоративных убытков (на сумму, не покрытую размером субсидиарной ответственности).

Нетрудно заметить, что приведенное правовое обоснование скорее подходит к обратной ситуации, нежели имела место в анализируемом деле: когда КДЛ привлекли к субсидиарной ответственности, а потом еще и заявили требование о взыскании убытков.

ВС РФ вышел из ситуации, фактически поставив знак равенства между субсидиарной ответственностью и взысканием убытков. ВС РФ разъяснил, что если с КДЛ уже были взысканы убытки в сумме, которая превышала «потолок» субсидиарной ответственности, то все взысканное дополнительно (будь то в форме субсидиарной ответственности или новых убытков) «направлено на нивелирование потерь общества, которые, в конечном счете, должны были относиться на лиц, обладающих правом на получение ликвидационной квоты».

В рассмотренном деле о банкротстве таким лицом и был ответчик по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности, который являлся директором и единственным участником должника.

Таким образом, по мнению ВС РФ, субъект защиты в данном случае отсутствовал — ведь с КДЛ взыскали сумму, получение которой могло претендовать только само КДЛ.

Однако данная аргументация вызывает определенные вопросы. При всем сходстве правовой природы требований о привлечении к субсидиарной ответственности и о взыскании убытков имеются и важные различия. Как отметил сам ВС РФ в рассматриваемом деле, иск о привлечении к субсидиарной ответственности защищает кредиторов. Следова-

тельно, сумма субсидиарной ответственности в любом случае не могла быть направлена на нивелирование потерь лиц, претендующих на ликвидационную квоту.

В такой ситуации более логичным было бы перекалificarовать заявление единственного кредитора в требование о возмещении убытков. В судебной практике по корпоративным спорам существует подход о недопустимости взыскания с единственного участника убытков, причиненных им обществу (постановления Арбитражного суда Московского округа от 14.06.2019 по делу № А40-222643/2018; от 21.10.2019 по делу № А40-19953/2019, постановления Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.03.2022 по делу № А04-616/2021).

Суды в подобных случаях исходят из совпадения интереса общества с интересом единственного участника, а следовательно, отсутствия нарушения чьих-либо прав. Впрочем, в банкротных делах суды обычно отказываются применять подобную логику, ссылаясь на наличие требования кредиторов.

Если бы ВС РФ все-таки перекалificarовал требование, то это однозначно открыло бы дорогу применению описанного выше подхода в банкротных спорах (при условии, что кредиторы уже получили от КДЛ компенсацию, достаточную для погашения их требований — через привлечение КДЛ к субсидиарной ответственности).

Именно такой ситуации наиболее бы подходила логика отсутствия субъекта с интересом, подлежащим защите. В случае же субсидиарной ответственности она является не вполне верной, ведь если даже «вычесть» единственного кредитора, все равно остаются непогашенные текущие требования, которые также входят в размер ответственности КДЛ.

Таким образом, применительно к конкретным обстоятельствам дела тезис ВС РФ о превышении взысканными убытками предела субсидиарной ответственности являлся вполне достаточным для отказа в иске — без нескольких спорных аргументов об отсутствии охраняемого субъекта.